

Ю. И. Ермилов

Художник, иконописец, арт-теоретик,
преподаватель ИХУ им. М. И. Малютина

«...Орден цвета человеческой крови». О повести А.А. Федотова «Победитель»

В своей статье автор проводит анализ повести А. А. Федотова «Победитель», показывая значение для современности поднятых в ней проблем.

Ключевые слова: «Победитель», повесть, война, инвалиды, государство, вера.

«...Орден цвета человеческой крови» - страшный философско-мировоззренческий камертон, через который вся повесть воспринимается именно так, как должна восприниматься, независимо от убеждений читателя.

Ученого и писателя Алексея Александровича Федотова очень не хочется называть литератором. Хотя для многих авторов подобное определение звучит как минимум внушительно и стабильно. Все-таки литература Алексея Федотова крайне нелитературна, и это при том, что в ней соблюдены вроде бы все надлежащие правила состоявшегося профессионализма в его классически сложившейся системе форм.

Читая самые разные его произведения, постоянно ловишь себя на мысли, что это собственно не чтение в чистом виде, а некое совместное словесно-фактологическое проживание некоторого явления, не способного уложиться в рамки читаемого объема. Постоянно ассоциативный ряд вынуждает мгновенно обращаться к лично пережитым пунктам собственной жизни и находить в них развитие того, что в федотовском тексте дано намеком или предельно кратко. А для тех, кто не пережил лично и не коснулся чего-то подобного из рассказов близких или случайных собеседников - чего-то неординарного из фабулы повести - продолжением этого ряда становятся уже многоступенчатые рассказы со всем со стороны. Неважно, откуда они вдруг вынырнули на поверхность памяти: они живы даже тогда, когда ментально далеки и сюжетно чужды читателю.

Собственно победителю посвящена вторая половина повести. Она является продолжением почти вековой биографической линии необычной семьи, вехи которой даны кратко и без отступлений аналитического характера, которые мы привыкли постоянно видеть не только в документальной, но и в рафинированно-художественной литературе. Дореволюционная жизнь скачет через гражданскую войну и ужасы тридцатых годов, минуя взрывы важнейших социальных потрясений для любого классового типажа - «нашего» и «не нашего». В этой кажущейся спешке и недосказанности повествования отчетливо и однозначно просматривается колоссальная трагедийная структура бытия первых лет советской власти и всех последующих десятилетий после войны. Суперсовременному юному читателю из другого измерения, который не знает, что такое «до войны», «пять рублей старыми», и даже обычное «начал выпивать», совершенно не понятно, что это все на самом деле означает. И не в плане исторического факта, который можно документально разыскать и растолковать себе, а как некоторую неистребимую часть повседневности, без которой нет цвета и вкуса обычной жизни в ее обнаженно ужасающей объективности. Так люди поколений, которые принято всегда и во все времена именовать старшими, рассказывают о не укладывающихся в голову случаях из жизни, минуя всякое акцентирование или эмоциональное выделение трагизма этих феноменов человеческого духа через стиль и неравнозначность, подобно ярким и дотошно-

острым журналистам, не имеющих удержу от избытка режущих душу слов. «Выменяла на рынке лисью шубу на плитку столярного клея и сварила папе суп. Он перед смертью сумел наесться вкусного, но сил сказать что-то не было. Он уже давно ничего не ел - разучился. Его вырвало, но он умер счастливым, тихо и спокойно». Это моя тетя-блокадница рассказывала про моего дедушку, который умер от дистрофии. Рассказывала с теплой улыбкой.

Точно так же Алексей Федотов раскрывает нам хронологию жизни представленных в повести людей, почти минуя точки усиления смысла и аналитические паузы там, где это привычно просится на бумагу. Все нормальное, достойно-красивое и ужасное идут в одном ряду и вынуждают читателя открывать собственную душу всему, что встретится ему на этом непредсказуемом пути.

Время, которое описано в повести, не знало слова «победитель» по отношению к таким, как герой сюжета. Тогда не было праздника Победы и не было парадов. Никому бы тогда не пришло в голову назвать так безногого калеку, а понятие «инвалид» было даже отрицательным, если не постыдным. Можно быть уверенным в том, что Виктор Санько сам ни за что не согласился, чтобы его так называли. Он бы просто этого не понял. Или воспринял бы как насмешку.

Наше неоднозначное время дает иногда совершенно неожиданные результаты исторического осознания сегодняшними современниками героизма воинов Великой Отечественной через откровение человеческой честности и способности вдруг реально увидеть и понять весь объем личного подвига, единственное свидетельство которого – искалеченное тело. И совсем не обязательно при этом подвиге - немислимая сила духа. У большинства калек ее не было. И, наверное, не могло быть. Потому что это НЕ ГРЕХ. Это ни с чем не сравнимое горе.

Алексей Федотов заставил меня еще раз обратиться к образам детства во всем их нескрываемом драматическом объеме и вспомнить абсолютно все, что было намертво связано у всех моих сверстников с этой темой, но с годами как-то замылилось и потускло. И искренне - горько заплакать...

Почти на каждом перекрестке в начале пятидесятых сидел инвалид и просил милостыню. По-разному. Иногда артистически по-

ставленным голосом, иногда заунывно-заученно, иногда молча. На Сенном рынке и рынке «Барашек» их было немного меньше, чем продавцов. Кто-то без рук. Кто-то без руки и ноги. Кто-то без ног. Многие без глаз. Мы их боялись. Очень. Потому что все это действительно страшно. С любой точки зрения. Потом они вдруг как бы неожиданно пропали. У одноклассницы моей сестры был папа - точно такой же инвалид, в мешке вместо брюк. Он заставил себя разобрать инвалидную ручную коляску и больше года не появляться на улице. Сам учился сапожному делу на обуви своей семьи, потом на соседской. Скоро стал важнейшим помощником учеников и их родителей. Работал быстро и четко, не халтурил и сбавлял цену самым бедным, виртуозно ремонтируя обувь и научившись, в конце концов, шить ее, самостоятельно вырезая колодку прямо по ноге заказчика. Он так же мастерски владел телом, подтягиваясь на одной руке и переходя в вертикальную стойку, чем восхищал нас - мальчишек. Поздно вечером по воскресеньям он пил подслащенное красное вино вместе с маленькой собачкой, играл на гармошке и тихонько выл песни вместе с ней. Это было и забавно, и до слез пробирало даже самых бессердечных. От жалости и боли.

Этого своего хобби он стыдился и старался его не демонстрировать посторонним. Он так же, как и Виктор Санько, ходил за дровами, колот и пилил их в одиночку, практически все делал по дому. Около плиты, стола и ванной стояло по широкой табуретке, на которую он запрыгивал, делая домашние дела. Все мы легко и весело восхищались его силой и ловкостью, но не видели в этом ни героизма, ни того, что принято называть подвигом. В этом был неисправимый педагогический просчет нашего времени, почему-то всемерно поддержанный государством. Нынешнему поколению не дано узнать о войне из дифирамбов, славословий и лозунгов. Как и никакому другому. Это далеко от его интересов и форм сочувствия реальности. Но бесхитростный сюжет Федотовской повести в ее неистребимо честной и сверхадекватной конкретике не может пройти мимо любого испорченного сердца. Впервые за много десятилетий прозвучала самая нужная правда о войне, которая умных и добрых обязательно учит уму, добру и справедливости. Не уча и

не наставляя. В любые времена и вопреки нравам. Учит понимать, что значит «победитель» во всех возможных смыслах, реально присущих ему.

В повести о Боге почти ни слова. Но Он там есть. Его присутствие в авторе отражается на внутреннем мире персонажей бликами их сверхсознания неназываемого. Сквозь десятилетия - уходя в прошлое нашей истории. И это не парадокс. Так бывает, когда хотя бы элемент Высшей правды вдруг проявляется материально, обнаруживая себя в самом неожиданном месте. В данном случае у представителя не военного и не поствоенного поколения. Автора, что уже в который раз сумел быть сопричастным чуду правды через Откровение в слове. В заключение несколько слов о самом издании. Оно представляет собой традиционную книгу личной библиотеки, прекрасно проиллюстрированную художником В.С Журавлевым, исключительно удобную для чтения в любой жизненной ситуации. Современная и традиционная. В какой-то мере новый шаг к классической книге, которая живет своей жизнью. Более широкой и самостоятельной, чем текст.

©Ермилов Ю. И., 2021